

В. О. Зверев, О. Г. Половников

Секретная агентура жандармов в борьбе со шпионажем в начале Первой мировой войны

Агенты внутреннего наблюдения
или секретные сотрудники состав-
ляли полицейскую интеллигенцию.

В. Б. Жилинский¹

На сегодняшний день история использования российских полицейских спецслужб в целях борьбы со шпионажем на Восточном фронте Первой мировой войны практически не изучена. Нет изысканий и об организации жандармско-агентурной деятельности на конкретных участках прифронтовой, ранее приграничной, полосы (например, в губерниях Варшавского генерал-губернаторства). И если не учитывать статью И. А. Потемкина и его краткое упоминание о направлениях контрразведывательной деятельности разыскных органов в условиях военного времени², то можно утверждать, что историография отмеченной нами научной проблемы не сформирована.

Ввиду отсутствия обобщающих трудов значительная часть нашей поисково-исследовательской и научной работы была связана с изучением неопубликованных архивных документов. Углубленное знакомство с ними позволило найти ответы на главные вопросы: в какой степени готовности находилась секретная агентура жан-

***Зверев Вадим
Олегович***

д-р ист. наук, доц.,
Омская академия
МВД России
(Омск, Россия)

***Половников Олег
Геннадьевич***

канд. юрид. наук,
доц., Омская
академия МВД
России (Омск, Россия)

дармско-полицейских подразделений Варшавского генерал-губернаторства и была ли эта агентура способна противостоять и противодействовать многочисленным шпионам и шпионским группам германской и австрийской разведок на невидимом фронте начавшейся войны.

Предваряя ответы на заданные вопросы, кратко остановимся на некоторых наиболее вероятных намерениях германского главнокомандования по открытию военных действий против России на участке ее западной границы, а также месте и роли разведывательного потенциала в этих планах.

Варшавское генерал-губернаторство (или «Варшавский выступ») представляло большой оперативный интерес для армии вторжения. Гипотетически после молниеносных побед немецкого оружия на Западном фронте авангард германских сухопутных сил мог отрезать «Варшавский выступ» стремительным и мощным «кинжальным» ударом с севера на юг, например по направлению вдоль железнодорожной ветки Млава — Варшава — Люблин. Для развития и завершения военной операции австро-венгерские вооруженные силы поддерживали бы своих союзников, начав наступление в сторону Люблина. В случае обоюдного успеха завоеванные губернии становились бы удобным плацдармом для масштабного продвижения вглубь противоборствующего государства.

Предполагаемые противники России на Западе понимали, что для реализации подобных военно-теоретических замыслов необходимы были систематические и достоверные сведения о русской обороне. Решение этой задачи поручалось созданным еще в обстановке мира резидентурам в городах Царства Польского. Определенные надежды возлагались и на забрасываемых (под видом гражданских беженцев, русских солдат и офицеров действующей армии или лиц, бежавших из немецких/австрийских лагерей военнопленных) через линию фронта резидентов и сотни шпионов, а также завербованных ими местных жителей. Если верить воспоминаниям М. Ронге, руководителя разведывательной службы Генерального штаба Австро-Венгрии во время Первой мировой войны, состав только австрийской агентурной сети на русском фронте насчитывал 1 тыс. чел.³

С началом вооруженного конфликта Военное министерство и МВД Российской империи могли противопоставить шпионским угрозам в западных пограничных губерниях немалые силы — отделения разведки и контрразведки штаба Варшавского военного округа, а также охранное отделение Варшавы, жандармско-полицейские управления железных дорог и жандармские управления Варшавского генерал-губернаторства⁴.

Судя по обнаруженным нами архивным документам, агентурный состав жандармских управлений не был готов к одновременному решению разнородных задач в условиях военного времени. К числу приоритетных относились разведывание оккупированных противником территорий и борьба с революционными элементами в прифронтовых и тыловых районах Привислинского края. По нашим приблизительным подсчетам⁵, только в разведывательной деятельности и наблюдениях за польскими социалистическими и националистическими организациями были заняты 175 секретных агентов (в Ломжинской, Варшавской, Келецкой, Люблинской и Радомской губерниях). Тем временем,

как показало наше исследование, оперативно-агентурному сопровождению военного шпионажа отводилась второстепенная роль.

Руководители управлений не располагали достаточным количеством агентов по линии контрразведки. Особенно остро эта проблема чувствовалась в некоторых пограничных с Германией и Австро-Венгрией российских территориях, например в Ломжинской, Варшавской, Келецкой и Люблинской губерниях. Так, судя по отчету об израсходовании денег на секретную агентуру за ноябрь 1914 г. в ломжинском губернском жандармском управлении (далее — ГЖУ, ЖУ), в нем числились два вспомогательных агента — Янек и Олонецкий⁶. В августе и ноябре 1914 г., как следует из финансовых документов варшавского ГЖУ, оно смогло нацелить против иностранных разведок только одного вспомогательного агента (кличка Генрих)⁷. В октябре 1914 г. в Келецкой губернии к борьбе со шпионажем привлекались только девять агентов-штучников⁸. Причем в ноябрьском отчете мы уже не находим упоминания об этих сотрудниках⁹. Видимо, являясь военнообязанными, они были мобилизованы в действующую армию. Наконец, в первые месяцы войны выявлением шпионов в Люблинской губернии занимались лишь три вспомогательных агента — Ногар, Охотник и Стасик¹⁰.

Несмотря на успешные наступательные действия германских передовых частей в пограничных районах Привислинского края (взятие летом — осенью 1914 г. Влоцлавска, Плоцка, Лодзи, Калиша, Ченстохова), обусловленные результативной работой их шпионов на линии соприкосновения и в ближайшем русском тылу, отношение жандармских офицеров к вопросам комплектования контрразведывательной агентуры оставалось безответственным. Например, с января по май 1915 г. начальник радомского ГЖУ привлек к сотрудничеству на платной основе только шесть человек¹¹.

Итак, по истечении десяти месяцев войны в распоряжении жандармских управлений Варшавского генерал-губернаторства было ориентировочно 10–12 внештатных сотрудников (их имена неоднократно отмечались в документах строгой отчетности). Много это или мало? Не имея представления о нормах положенности (точно определенное Департаментом полиции МВД России число агентов из расчета на одного куратора или одно ЖУ), мы можем лишь высказать свое предположение. По сравнению с совокупным количеством агентов по линии разведки и политического розыска (о чем говорилось ранее) указанное число агентов-контрразведчиков было невелико. А если сопоставить данный жандармский ресурс с вышеназванным множеством австрийских шпионов (с определенной вероятностью немалая их часть работала в сопредельных с Австро-Венгрией местностях Варшавского генерал-губернаторства), то можно утверждать, что контрразведывательной агентуры у жандармов практически не было.

Многие из названных внештатных сотрудников не имели большой ценности. Об этом свидетельствуют отметки об их невысоком статусе в полицейских отчетах — «агенты-штучники» и «вспомогательные агенты». Раскрывая значение главным образом последнего термина, обратимся к истокам теории полицейского сыска. Например, П. Павлов так оценивал профессиональные возможности вспомогательных агентов: «...не состояли в преступных организа-

циях, а лишь соприкасались с ними и исполняли различные поручения»¹². А вот «секретные сотрудники» — это «...агенты, состоящие в революционных организациях или непосредственно и тесно связанные с членами организации»¹³.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что 8 из 21 сотрудника были заагентуренны недавно — с началом войны (в августе — сентябре 1914 г.).

С одной стороны, это подводит к размышлению о том, что начальники жандармских управлений вряд ли пошли по пути перепрофилирования уже имевшегося агентурного состава, занятого в революционной среде, на наблюдение за иностранными разведчиками и предателями Родины. Жандармские начальники, как специалисты по подбору, приобретению и ведению агентуры, выказывали целевой интерес только к тем лицам, которые представлялись полезными в деле контрразведки. Одной из искомым характеристик, свидетельствовавших о профессиональном соответствии агентов-контрразведчиков, являлось знание иностранных языков. В письме от 26 октября 1914 г. вышестоящему руководству начальник ЖУ Седлецкого и Соколовского уездов Люблинской губернии так отзывается об агентах «по военной разведке и контрразведке»: «Представляя список агентуры, доношу, что... лица, пригодные для командирования в район неприятельского расположения... Стасик и Охотник, кроме русского, владеют польским языком»¹⁴.

С другой стороны, совершенно очевидно, что более половины агентурного состава по линии борьбы со шпионажем противника не имели «боевого» опыта в соответствующей сфере деятельности.

Наконец, в изученных нами архивных документах видно, что материальное вознаграждение многих из перечисленных в данной статье вспомогательных агентов отличалось весьма скромными размерами. Во втором полугодии 1914 г. величина их месячных выплат варьировалась в диапазоне от 5 до 20 руб., а самый высокий доход (20 руб.) был в два раза ниже месячного жалования агента-штучника (по линии контрразведки)¹⁵.

Столь низкие заработки свидетельствовали о недостаточной актуальности, своевременности и надежности добываемой вспомогательными агентами информации. Положение этих сотрудников в «шпионской среде», на наш взгляд, не имело большого веса.

Некоторые вспомогательные агенты (Янек, Кудрявый, Быстрый, Жук, Кипа и Пограничный) остались вовсе без жалования. Это обстоятельство прямо указывало на их профессиональную несостоятельность и не востребованность. Временная незанятость или абсолютная бесполезность в розыском деле, в свою очередь, могли стать следствием психоэмоциональной напряженности или непригодности некоторых из перечисленных сотрудников. «Постоянно находясь в стрессовой ситуации, большинство агентов работало не более двух лет, а иногда, по настоянию руководителя, их служба заканчивалась еще раньше»¹⁶.

Однако недостаток внештатных сотрудников, их невысокий уровень компетентности и психоэмоциональная деформация были не единственными факторами, влиявшими на ухудшение оперативных показателей. Полагаем, одна из главных причин недостаточной «контршпионской» готовности секретной

агентуры все же скрывалась в неспособности, а возможно, и нежелании, жандармско-полицейского начальства организовать агентурную работу на должном уровне. В подтверждение данного тезиса обратимся к следующим доводам.

Во-первых, не все агенты были в состоянии справиться с параллельной вербовкой агентов по трем самостоятельным линиям розыска — борьбы с политическим инакомыслием, военной разведки и контрразведки. Каждая из названных сфер деятельности требовала от начальников и их помощников, курирующих агентуру, разнопрофильных знаний, умений и навыков, соответствующего опыта. И если таковые в части постановки «контрреволюционных мероприятий» имелись и были предусмотрены образованием жандармов, а также положениями их ведомственных инструкций и циркуляров, то специфических компетенций в деле разведывательной и тем более контрразведывательной работы не хватало. Определенные трудности связывались не только с необходимостью действовать в условиях многозадачности, но и с дефицитом времени.

Во-вторых, как нам думается, не все кураторы были «прирожденными» агентами, знавшими толк в людях и разыскной психологии. Между тем, как сказано в Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры 1914 г., дело приобретения сотрудников являлось щекотливым, требовало большого терпения, такта и осторожности¹⁷.

В-третьих, среди начальников жандармских управлений могли встречаться и непорядочные люди, а в исключительных случаях лжецы и авантюристы. Мы допускаем, что к этой категории относился начальник ЖУ Луковского, Радинского и Гарволинского уездов Люблинской губернии, который 16 мая 1915 г. от рапортовал вышестоящему начальнику о приобретении 19 агентов (в том числе по линии борьбы со шпионажем). Этот отчет не вызвал бы у нас сомнений, если бы эти сотрудники не были завербованы в невероятно короткий срок — за 20 дней со дня циркулярного оповещения всех уездных жандармов о необходимости «безотлагательно приобрести секретную агентуру»¹⁸. Столь рьяная исполнительность могла быть связана с намерением начальника названного ЖУ увеличить свой месячный заработок. Схема казнокрадства в таком случае выглядела бы следующим образом: 19 вымышленных сотрудников, или «мертвых душ», проводились лишь в официальных отчетах, а выделенные «агентурные деньги» оседали в кармане нечистоплотного офицера.

Наконец, можно ли говорить о служебном рвении тех начальников или заведующих агентурой, которые были не в состоянии своевременно, и главным образом по назначению, освоить так называемые агентурные суммы? Как нам удалось выяснить, денежные кредиты, получаемые из Департамента полиции МВД России и имевшие сугубо целевое предназначение, порой тратились на разные нужды. Например, в люблинском ГЖУ к таковым относили лечение сотрудников полиции¹⁹, в варшавском охранном отделении — поощрительные выплаты за добросовестное выполнение служебных обязанностей²⁰. Вышеназванный начальник радомского ГЖУ, имевший один из самых низких показателей по количеству контрразведывательной агентуры, и вовсе рассматривал возможность покупки на «агентурные» деньги пишущей машинки стоимостью в 300 руб.²¹

Таким образом, неся службу на передовом рубеже обороны России и противодействия внешним угрозам ее военной безопасности, жандармские офицеры не всегда имели желание и способности для своевременной подготовки опытного и результативного агентурного ресурса, способного всесторонне и тщательно выявлять немецких и австрийских шпионов. Между тем, как видно из отмеченной ранее Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, секретные сотрудники и вспомогательные агенты оставались «единственным... надежным средством, обеспечивающим осведомленность разыскного органа»²².

Помимо потенциально слабых агентурных позиций, профессиональной загруженности, «психологической неустойчивости», а иногда и беспечности жандармских начальников, на слабую организацию контрразведывательных мер реагирования в Варшавском генерал-губернаторстве мог повлиять и объективный фактор. Малочисленная и малоквалифицированная агентура была не в силах выявлять преступников и преступные группы на территориях (Ломжинская, Варшавская, Келецкая, Люблинская и Радомская губернии), населенных сотнями тысяч людей. В одних только губернских центрах проживало более 800 тыс. чел. (в Ломже — 26 тыс., Варшаве — 684 тыс., Кельцах — 23 тыс., Люблине — 50 тыс. и Родоме — 36 тыс.)²³. Помимо местных жителей, в указанных местностях были расквартированы и десятки тысяч военнослужащих русской армии.

С учетом сказанного мы не надеялись встретить обширный архивный материал о предпринятых жандармами мерах по борьбе с иностранными шпионами усилиями агентуры. Тем не менее пусть и отдаленное представление об этой проблеме помогли составить редкие документы жандармской переписки. Так, в Агентурной записке от 3 августа 1914 г. секретный сотрудник Случайный доносил своему куратору — начальнику пражского отделения варшавского жандармского полицейского управления железных дорог о некоем отставном германском офицере, «который критиковал русскую армию и распускал слухи, что Россия войну проиграет»²⁴. Как следует из письма начальника ломжинского ГЖУ от 25 августа 1914 г. № 885 (с грифом «Совершенно секретно») помощнику варшавского генерал-губернатора по полицейской части, вспомогательная агентура проверила информацию о причастности к шпионской деятельности жителей одной из немецких колоний. Ничего противозаконного в действиях учителей Эрнеста Гербштейна и Адольфа Вааде установлено не было²⁵.

Наконец, в нашем распоряжении оказался отчетный документ под названием «Счет № 45». Из него видно, что 18 ноября 1914 г. вахмистр все того же ломжинского управления Василевский израсходовал «на разведку по военному шпионству три рубля»²⁶.

Те немногие сведения, которые нам удалось собрать в архиве, свидетельствуют, что работа по линии контрразведки все же велась. Но очевидно и то, что разработка шпионов осуществлялась не на всем протяжении государственной границы России с Германией и Австро-Венгрией (позже — и вдоль линии соприкосновения воюющих сторон), а лишь на отдельных участках. Вероятнее всего, занятость жандармской агентуры там носила единичный и бессистемный характер.

Невысокая функциональность и, как следствие, результативность агентов разыскных органов нередко приводили к тому, что выявление (разоблачение) вражеской агентуры осуществлялось не благодаря плановым оперативно-разыскным мероприятиям, а по воле случая или при содействии других ведомств. В многочисленных постановлениях о производстве жандармских дознаний в начале войны можно встретить фразы типового содержания: «задержан агентом разведки за разговоры с солдатами», «задержан по указанию военного разведчика за то, что расспрашивал воинских чинов о расположении и численности русских войск».

Обращают на себя внимание сообщения о задержаниях, проведенных сотрудниками контрразведки. Например, 26 июля 1914 г. «унтер-офицером Волторнистом и агентом, состоящим в распоряжении ротмистра Муева (начальник контрразведки 2-й армии Северо-Западного фронта. — *В. З., О. П.*), около фортов Александровской цитадели было задержано трое австрийских подданных, подозреваемых в военном шпионстве...»²⁷.

Существенную роль в профилактике шпионажа и борьбе с ним на линии фронта и в прифронтовых районах сыграли военнослужащие русской армии. Именно нижние чины благодаря своей бдительности и «мужицкой смекалке» обращали внимание на лиц, не внушавших доверия. Так, 14 июля 1914 г. «14 пехотным Олонецким полком задержан австрийский подданный Томас Шпунар... как ознакомливавшийся с расположением выдвинутых к имению Кисельница частей»²⁸. А 24 июля в деревне Черняков гмины Мокотов Варшавского уезда нижними чинами лейб-гвардии Литовского полка задержан мещанин г. Варшавы Ян Забоклицкий, «который расспрашивал солдат, куда они идут, а потом стал расхваливать немцев»²⁹. Или, например, 10 декабря того же года в посаде Вышково Пултуского уезда Варшавской губернии казак 19-го Донского казачьего полка задержал еврея, который пытался разузнать у него, «давно ли казаки стоят в Вышкове, сколько их и куда уходят»³⁰.

Приведенный перечень задержаний лиц, подозревавшихся в шпионаже, можно продолжать, но главное не в том, сколько потенциальных шпионов доставили в жандармско-полицейские подразделения солдаты и казаки передовых частей русской армии, а в том, сколько задержаний было проведено благодаря оперативным данным жандармской агентуры.

Несмотря на то что в обязанность жандармской полиции входила не только уголовно-процессуальная сторона деятельности, но и оперативно-разыскная, мы не нашли ни одного факта «разработок» военных преступников и их «ликвидаций» (т. е. арестов) с помощью секретных сотрудников.

Таким образом, изучив содержание ряда дел, хранящихся в фондах ГАРФ, и заглянув в закулисы жандармского розыска, мы лишь приоткрыли занавес тайны, познакомившись с некоторыми параметрами агентурной работы. Численность агентов-контрразведчиков, их положение в «шпионской среде», стоимость агентурных услуг и месячные гонорары отдельных сотрудников позволили создать общее представление о характере борьбы со шпионажем в Варшавском генерал-губернаторстве в начале Первой мировой войны.

Жандармские управления не сумели организовать системное оперативно-агентурное сопровождение военнослужащих русских армий, дислоцированных вдоль западной границы (прежде всего, на территории Привислинского края). На многих ее отрезках квалифицированного выявления шпионов практически не было. А те задержания, которые и производились, носили эпизодический и случайный характер.

Не располагая актуальными агентурными сведениями о шпионах, их целях и задачах на линии фронта и в тылу русских позиций, жандармские руководители не стремились выступать инициаторами межведомственной переписки с органами армейской разведки и контрразведки. А те сообщения (по линии шпионажа), которые поступали из этих ведомств, не всегда представляли для жандармов оперативный интерес.

Попустительство территориальных органов безопасности в организации контрразведывательного прикрытия повлекло закономерный всплеск шпионской активности, выразившийся в усилении визуальной разведки противника. Немецкие и австрийские агенты (главным образом завербованные жители губерний Варшавского генерал-губернаторства) были ориентированы на ежедневное добывание разведывательных сведений о местонахождении, численности, передвижениях, моральном духе, политической благонадежности и боеспособности русских войск.

Массированными военно-шпионскими действиями в Ломжинской, Варшавской, Келецкой, Люблинской и Радомской губерниях противник нанес очевидный удар по русской обороне, связанный в первую очередь с девальвацией боевой мощи сухопутных армий, сосредоточенных на передовых рубежах.

¹ *Жилинский В. В.* Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти. М., 1918. С. 25.

² *Потемкин И. А.* Контрразведывательная деятельность полиции в структуре безопасности государства накануне и в годы Первой мировой войны // *Российская полиция: три века служения Отечеству: сб. статей юбилейной междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1.* / под ред. В. Л. Кубышко. М., 2019. С. 66–67.

³ *Ронге М.* Война и индустрия шпионажа: в 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 103.

⁴ Центральное место в статье отведено анализу агентурных возможностей жандармских управлений Ломжинской, Варшавской, Келецкой, Люблинской и Радомской губерний.

⁵ В основу подсчетов положены сведения об агентуре из дел, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ) (Ф. 217 «Варшавское губернское жандармское управление». Оп. 1. Д. 1387, 1568; Ф. 238 «Люблинское губернское жандармское управление». Оп. 1. Д. 178, 324; Ф. 265 «Канцелярия помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части». Оп. 1. Д. 231, 507, 508, 568, 1489).

⁶ ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 568. Л. 2.

⁷ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1568. Л. 256, 340.

⁸ Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 507. Л. 2–2 об.

⁹ Там же. Д. 508. Л. 1а.

¹⁰ Там же. Ф. 238. Оп. 1. Д. 324. Л. 3, 7–11.

¹¹ Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 231. Л. 214.

¹² *Павлов П.* Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922. С. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 324. Л. 6.

- ¹⁵ Там же. Л. 26.
- ¹⁶ Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 98.
- ¹⁷ Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры. 1914 / сост. З. И. Перегудова. М., 1993. С. 17.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 324. Л. 20, 23.
- ¹⁹ Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 231. Л. 254.
- ²⁰ Там же. Л. 303.
- ²¹ Там же. Л. 249.
- ²² Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры. 1914. С. 1.
- ²³ Маркс А. Ф. Географический и статистический карманный атлас России. СПб., 1907. С. 20.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 178. Л. 46.
- ²⁵ Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1489. Л. 122.
- ²⁶ Там же. Д. 568. Л. 77.
- ²⁷ Там же. Д. 1489. Л. 82.
- ²⁸ Там же. Л. 5.
- ²⁹ Там же. Л. 46.
- ³⁰ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 626. Л. 106.

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2020 г.
Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зверев В. О., Половников О. Г. Секретная агентура жандармов в борьбе со шпионажем в начале Первой мировой войны // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 4. С. 892–901. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.405>
УДК 94(47).083

Аннотация: В статье рассматриваются ограниченные агентурные возможности жандармских управлений Варшавского генерал-губернаторства (Ломжинская, Варшавская, Келецкая, Люблинская и Радомская губернии) в борьбе с германскими и австрийскими шпионами во втором полугодии 1914 — первом полугодии 1915 г. Обращается внимание на недостаточное количество агентов-контрразведчиков по сравнению со штатным составом жандармской агентуры, призванной осуществлять сбор разведывательных сведений на оккупированных противником территориях и вести борьбу с революционным подпольем в тыловых районах. Авторы подвергают сомнению ценность секретной агентуры по линии борьбы со шпионажем. Одна из причин недостаточной готовности секретных сотрудников видится в нежелании жандармско-полицейского начальства организовать работу по контрреагированию на должных основаниях. Делается вывод о несущественных результатах контрразведывательной работы жандармской агентуры на одном из главных участков обороны России — близ ее западной границы (впоследствии — на оккупированных противником территориях Привислинского края). Редкие, обрывочные и не всегда ценные сведения, которые получали агенты разыскных органов, не позволяли жандармам организовывать полномасштабную (в масштабах подведомственных территорий) и успешную оперативную работу по выявлению скрытых врагов государства. Низкий потенциал, а в некоторых случаях и полная бесполезность кадров секретных сотрудников для интересов военного розыска приводили к тому, что большая часть политически нелояльных лиц выявлялась случайно и другими спецслужбами. Чаще всего шпионов обнаруживали либо благодаря информации органов армейской разведки и контрразведки, либо вследствие бдительности военнослужащих передовых частей русской армии. Авторы приходят к заключению, что жандармские управления не сумели организовать системное оперативно-агентурное сопровождение военнослужащих русских армий, дислоцированных в Варшавском военном округе. Несмотря на то что в обязанность жандармской полиции входила не только уголовно-процессуальная сторона деятельности, но и оперативно-разыскная, квалифицированного выявления шпионов с помощью секретных сотрудников не было.

Ключевые слова: агенты, финансовые отчеты, жандармские управления, контрразведка, шпионы, Россия, Первая мировая война.

Сведения об авторах: Зверев В. О. — д-р ист. наук, доц., Омская академия МВД России (Омск, Россия); zverevoma@mail.ru | Половников О. Г. — канд. юрид. наук, доц., Омская академия МВД России (Омск, Россия); olegpolovnikov@yandex.ru

Омская академия МВД России, Россия, 644092, Омск, пр. Комарова, 7

FOR CITATION

Zverev V. O., Polovnikov O. G. 'Secret Agents of the Russian Gendarmerie in the Fight against Espionage at the Beginning of the First World War', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 892–901. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.405> (In Russian)

Abstract: The article discusses the limited intelligence capabilities of the gendarmerie departments of the Warsaw Governor General (Lomzinska, Warsaw, Kielce, Lublin, and Radom provinces) in the fight against German and Austrian spies in the second half of 1914 and the first half of 1915. One reason for the secret police's lack of readiness is the reluctance of the gendarmerie-police authorities to organize counter-response work on an appropriate basis. The rare, fragmentary, and not always valuable information received by agents of the investigating authorities did not allow the gendarmes to organize full-scale and successful operational work on a subordinate territory to identify hidden enemies of the state. The low potential, and, in some cases, the complete uselessness of secret service personnel for the interests of the military wanted list led to the fact that most politically disloyal persons were accidentally identified by other special services. In most cases, spies were detected either due to information from army intelligence and counterintelligence agencies, or due to the vigilance of military personnel of the advanced units of the Russian army. The authors conclude that the gendarmerie departments were unable to organize a systematic operational escort of military personnel of the Russian armies deployed in the Warsaw Military District. Despite the fact that the duty of the gendarmerie police included not only criminal procedures, but also operational searches, there was no qualified identification of spies with the help of secret officers.

Keywords: agents, financial reports, gendarmerie departments, counterintelligence, Russia, spies, First World War.

Authors: Zverev V. O. — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russia); zverevoma@mail.ru | Polovnikov O. G. — PhD in Law, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russia); olegpolovnikov@yandex.ru

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7, pr. Komarova, Omsk, 644092, Russia

References:

- Instructions for Organizing and Maintaining Internal Agents. 1914*, comp. by Z. I. Peregodova (Moscow, 1993). (In Russian)
- Marks A. F. *Geographical and Statistical Pocket Atlas of Russia* (St. Petersburg, 1907). (In Russian)
- Pavlov P. *Agents, Gendarmes, Executioners* (Petrograd, 1922). (In Russian)
- Potemkin I. A. 'Police Counter-Intelligence Activities in the State Security Structure on the Eve of and during the First World War', *Rossiiskaia politsiia: tri veka sluzheniia Otechestvu: sb. statei iubileinoi mezhdunar. nauch. konf.*, ed. by V. L. Kubyshko (Moscow, 2019). (In Russian)
- Ronge M. *Wartime Espionage and Industrial Espionage* (Moscow, 2000). (Rus. ed.)
- Ruud Ch. A., Stepanov S. A. *Fontanka, 16: The Tsar's Political Police* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Zhilinskii V. B. *Organization and Life of the Security Department during the Tsarist Regime*. (Moscow, 1918). (In Russian)

Received: February 19, 2020
Accepted: September 4, 2020